

Что ни день, то новые события, всё интереснее и горячее. Они закручиваются вокруг меня, затягивая в воронку обжигающих эмоций. Не скажу пока, чем закончился день нашего группового похода, но этого я точно от него не ждала...

Следующий день выдался насыщенным. Пришлось рано встать, чтобы вовремя прибыть на место встречи. Когда увидела Сергея Борисовича, сердце подскочило и забилось в неровном ритме. Вчера мы договорились разойтись по домам, чтобы хорошенько выпспаться перед походом. Я, действительно, была очень уставшая, точнее сказать — вытраханная. Во всех смыслах этого слова. Поэтому вечером, вкратце рассказав Светке, что происходит между мной и профессором (а она бы не отсталла), я залегла в кроватку, холодную и одинокую, чтобы выпспаться. И спала сном праведника, счастливая и умиротворенная. Вот, что секс животворящий делает!

Сергей Борисович сухо поздоровался со мной, но по мимолетному блеску в его глазах я поняла, что он рад меня видеть. Его тут же облепили наши красотки и практически не давали ему прохода до самого прибытия на место, где мы и собирались провести весь день и ночь. Особенно выделялась Ленка, нафуфыренная стервочка с сиськами практически четверкой, пухлыми губками и выдающейся задницей. Она всегда вела себя вызывающе и, поговаривали, трахалась с нашим красавчиком группы — Мишкой, а тут и вовсе с катушек слетела: так и норовила задеть моего профессора, прижать к нему свою «четверку», подхватить под руку, поржать всех громче над его шутками. Сссука! Он вел себя спокойно и по возможности дистанцировался от девчоночных рук, но я всё равно чувствовала себя обиженной и обделенной. Настроение быстро улетучилось и лишь бросало светлые лучики на мое лицо, когда Сергей Борисович иногда касался меня, то помогая перейти лужу, то подталкивая вперед.

— Не грусти, сладкая, — незаметно он ущипнул меня за попку, пока вся группа отвлеклась на белку, прыгающую прямо над нашими головами, и лизнул ухо.

Мурашки табуном пробежали от места нежданной ласки до пяток, существенную долю собратьев оставил у меня в трусиках. Я улыбнулась, подняв на него вмиг посчастливевшие глаза. Его взгляд обещал многое, веселые искры светились где-то глубоко в зрачках. Его глаза задержались на моем лице, что-то в нем иска, вдруг вспыхнули, остановившись на губах. Я непроизвольно облизнула их, и мужчина дернулся в порыве поцеловать их, но вмиг одумался, взглянув по сторонам. За нами с интересом наблюдала Светка, тщательно делая вид, что не смотрит в нашу сторону.

— Сергей Борисович, Вы видели, какая у белки толстая задница? — игриво вскрикнула Ленка.

— Ага, прям как у тебя, — себе под нос тихо сказала я, отведя глаза от ее двух колыхающихся бугров, лишь наполовину скрытых легким топом. Несмотря на прохладную погоду и нахождением в лесополосе, Ленка лишь накинула на плечи кофту и всё ниже и ниже стягивала тонкий топ к пупку. Профессор легко пожал мою руку, улыбнувшись лишь краем глаза, но спокойно ответил:

— Не то, что вы у меня: одна стройнее другой...

Девчонки оживились, заулыбались мужчине, немногочисленные парни стали рассматривать

фигуры одногруппниц, оценивающие и откровенно, подшучивая между собой над местными дамами в теле.

— Ну идемте дальше, нам еще сегодня предстоит полоса препятствий... — подогнал развеселившихся студентов профессор.

— А кто ее не пройдет, тот будет Вам сдавать зачет лично? — опять близко подобралась Ленка к моему мужчине, еще ниже стянув топ. Ее глазки блестели, а бровки недвусмысленно приподнялись.

— Кто не пройдет, зачет не сдаст, обеда с костра не получит, песни под гитару петь не будет... Всем ясно? — деловито заявил профессор. Все замычали утвердительно, уже предвкушая дальнейшее веселье.

А дальше, действительно, было весело. Мы нашли уютную полянку около реки, побросали там свои вещи, палатки и занялись сооружением для себя же полосы препятствий: болото, «бабочка», переход по канату, держась за параллельный канат, переправа через качающееся бревно (вот где Ленка искусно повизжала и потрясла буферами). Разбились на две команды для азарта и проходили полосу препятствий на скорость. Противниками моей команды была Ленка, и, к моему сожалению, Светка! Разозлившись и решив во что бы то ни стало победить, я взялась проходить препятствия четко и быстро, поэтому я практически не пользовалась поддержкой Сергея Борисовича, чем, напротив, отлично пользовалась Ленка. В моей команде зато оказался Мишка и, совсем лишенный внимания Ленки, он всё свое обаяние пустил на меня. Эх, Мишка, будь ты такой активный хоть пару дней назад, ты был бы награжден ответным вниманием, сейчас же всем своим сердцем и душой я находилась во власти профессора!

Так как Ленке было важнее пофлиртовать и по разным поводам оказаться ближе к Сергею Борисовичу, она тормозила свою команду, и этим дала нам еще большую фору. Мы выиграли! Наградой нам был отдых в шатре, а проигравшая команда должна была ставить все палатки и готовить еду на костре. Шатер для отдыха своей команды мы поставили — так и быть — сами.

— Ну, чем займемся? — плюхнулся на свой спальный мешок Мишка, когда мы все забрались под укрытие. — Давайте играть в бутылочку? — солнечно улыбаясь, предложил он, доставая из рюкзака бутылку вина. Все радостно загадали, поддерживая идею, и быстро расселись в кружок.

— Перед тем, как крутить, делаем глоток вина, — раздавал последние наставления красавчик.
— И на кого попало горлышко тоже. Потом целуются.

Условия игры всем понравились, и игра началась. Если алкоголь пить мелкими глотками, то быстрее пьянеешь, и это вскоре все почувствовали. Атмосфера становилась веселее и зажигательнее, поцелуй всё менее невинными, даже между девочек.

На меня часто попадала бутылочка, и я всё пила и пила, настроение в общем веселье быстро улучшилось. Да и не видя Сергея Борисовича и Ленкиных заигрываний с ним, было спокойнее. Обида тугим комком осела где-то внутри, а возбуждение из-за чужих прикосновений к губам нарастало. После того, как бутылка была распита, нашлась и еще одна. Мы пили и смеялись, и целовались. И всё чаще — с Мишкой. В очередной раз, попав горлышком на меня, он вдруг притянул меня за затылок ближе и впился в мой рот совсем не дружеским поцелуем. Я на миг потеряла равновесие и уперлась в его плечи руками, голова закружила. Все вокруг заулююкали и засмеялись, подбадривая нас, это почему-то меня распалило, и я ответила на поцелуй, уже не сопротивляясь. «Сергей Борисович целуется

намного лучше», — пронеслось в моей голове, и это больно кольнуло меня внутри. Что ж я делаю, дура?! Я оттолкнула Мишку. Он недоуменно на меня взглянул, но для всех словно не придал этому значения. Вскочив на ноги, я собралась уйти, мне вдруг стало так мерзко за себя.

— Я больше не буду играть в «бутылочку»...

— Ну ладно, ладно, не будем, — дернули меня за руки с двух сторон, чтобы я села на место. — Давайте в карты, в дурака...

— Просто так не интересно, — поддержала слегка захмелевшая Ритка, сверкнув посоветовавшими глазами, — давайте на желание...

— Давайте, — поддержал Мишка. — Первый выбывший считается победителем, с него желание проигравшему...

Все активно поддержали, кто-то, правда, попросил загадывать не очень развратные желания.

— Нет уж, желания любые. Кто не согласен, пусть не играют.

Отселились пара девчонок, но остались понаблюдать за дальнейшими событиями. Я решила поиграть. Посмотрим, какие будут желания, никогда не поздно отказаться...

Первой же проигравшей пожелали «показать сиськи». Машка была девушкой в теле, и ей есть было, что показать, что она к общему удовольствию и сделала, подбадриваемая пьяным весельем одногруппников. Запал был дан немалый.

В следующей игре победителем вышел Мишка, а вот проигравшей — я. Чуть испуганно взглянув на него, но стараясь этого не показывать за наигранной ухмылкой, я скрестила руки на груди и спросила:

— И что ты пожелаешь, чтоб я сделала?

Он полыхнул на меня своим взглядом. — Не скажу. Выйтите, пожалуйста, все... — попросил он, не сводя с моих губ взгляда.

— А тебе двух минут хватит? — загоготали остальные, тем не менее вставая и выходя.

— Да ему и сорока секунд — за глаза, — хихикнули девчонки.

Я не знала, что делать, но предпочла дождаться желания, прежде чем бояться, и продолжала сидеть напротив Мишки со скрещенными руками и невозмутимым видом. Внутри меня же трусливо вжалась в угол подсознания маленькая девочка.

— Ну? — решила прервать его пожирание меня глазами, когда все вышли. В его глазах читалось, как он мечется от одного желания к другому и решает, что из этого сейчас приемлемо.

Он вдруг решительно встал и одним движением спустил с себя спортивные штаны вместе с трусами. Его налитой член уверенно качнулся перед моим лицом. Я ошарашенно взглянула сначала на его член, кстати, не особо и выдающийся ни длиной, ни толщиной, затем в глаза Мишке.

— Ты чего?!

— Я хочу минет, Настя! Это мое желание... — пожал плечами молодой человек, кажется, искренне не понимая моего возмущения. — Возьми его в ротик... — уже просяще.

— Да ты офигел?! — я встрепенулась со своего места, наконец, стряхнув с себя оцепенение, но неожиданно была поймана его ладонью. Он схватил меня за затылок и ткнул членом в мои сомкнутые губы.

— Девушку отпусти, Михаил! — прозвучал мужской голос от входа в шатер, и я его не сразу узнала, сколько стали в нем было, а когда поняла, кому он принадлежит, меня пробило

насквозь от унижения и страха.

Я еще раз дернулась от Мишки, и он неохотно, но отпустил меня. Я преданно и испуганно взглянула на моего спасителя, но побоялась к нему приблизиться.

— Держи свой отросток при себе, Михаил, — снова стальным голосом сказал Сергей Борисович, подзывая жестом меня к себе. Я бросилась к нему на грудь, но он холодно отстранил меня.

— Почему это? — недоумевал Мишка. — Она сама хотела!

Сергей Борисович вышел, ничего больше не ответив, увлекая меня за собой. Все остальные шумели около костра, раскладывая по тарелкам свежесваренный незамысловатый обед.

— Иди ешь, Воробьева! — сказал он мне, даже не взглянув на меня. — Если ты поешь в шатре не успела... — горько хмыкнул и отошел, не дождавшись моего ответа. Слезы обиды подкатили к горлу. Не видя ничего вокруг себя, я села на бревно и уставилась на свои руки.

Ко мне подсела Светка, принесла тарелку с едой. Она полуобняла меня и прошептала:

— Нам тут намекали, что вы там с Мишкой чем-то заниматься оставались... Сергей Борисович аж в лице переменился.

Я подняла на нее глаза, чуть не плача.

— Вы что там, правда?... — Светка удивленно вскинула ломаные брови. Я лишь покачала головой, не в силах ничего выдавить из сдавленного горла, и положила в рот ложку с какой-то едой, не чувствуя ее вкуса. — Ладно, ешь давай, — вздохнула и добавила: — Мишка сегодня целый день на тебя так смотрел... — я услышала в ее голосе нотку горечи и вновь перевела на нее взгляд.

— Он тебе нравится, да? — вдруг догадалась я.

— Он был сегодня великолепен на полосе препятствия, — вспоминая, пропела она, не глядя на меня, и удивление мое возросло, перекрывая собственные эмоции.

— Так действуй, дурочка, — дружески толкнула я ее плечом и кивнула на шатер, из которого вышел Мишка. — Сегодня самое время...

Светик посмотрела на меня и улыбнулась.

— И ты действуй. Не потеряй его, а то сегодня профессора точно кое-кто уведет... — она кивнула на Ленку, не сводящую масляных глазок с моего мужчины.

Я кивнула, скулы свело от злости. Все были увлечены поглощением еды и непринужденной болтовней. Сергею Борисовичу тоже вручили тарелку с едой, на которую он задумчиво смотрел. Его что-то спросили, и он, нацепив непринужденную улыбку, ответил. Блин, с ним надо срочно поговорить! Я встала и решительно направилась к нему, обходя людей сзади. Светки уже не было рядом со мной — она подсела к Мишке с тарелкой еды. Молодец, девчонка, долго не думает — действует!

Я подошла к профессору сзади, наклонилась.

— Сергей Борисович, можно с Вами поговорить?..

— О чём, Воробьева? — он не обернулся, продолжая есть. Я помолчала, не зная, что сказать.

— Пожалуйста...

Его ответа я ждала, кажется, очень долго, и не знала, что еще добавить. Снова что-то сковало мне горло. Мне было и стыдно перед ним, и обидно. И я ревновала его жутко, и боялась потерять.

— Иди на конец полосы препятствий, я скоро подойду, — наконец, тихо сказал он. Я кивнула и отошла. Села на свое место, снова попытавшись поесть, потом встала и незаметно ушла с

поляны.

Ожидание мне показалось вечностью. Я то хотела много сказать Сергею Борисовичу, оправдываться, плакать, то совсем не знала, что сказать. Вот на втором варианте раздумий меня и застал его приход. Он взял меня за руку и повел вглубь леса. Потом вдруг резко остановился, развернулся.

— Ну что ты хочешь сказать?

— Я... я... простите!

— За что? Что ты хотела отсосать другому мужчине? Как тебя винить, ты же любишь это... — ядовито усмехнулся.

Меня резанули эти его слова, я с обидой посмотрела на него. Он был злой и холодный, но не отпускал мою руку, иногда сильно ее пожимая.

— Я не хотела этого! — твердо взглянула в его глаза. — Перестаньте так на меня смотреть!

Лучше ударьте, поругайте...

Он молчал, даже перестал сжимать мою руку, смотрел в мои глаза непроницаемым взглядом.

— Следовало бы тебя выпороть, Анастасия, за твое недостойное поведение...

— Ну так выпорите... — я не отводила от него взгляда, хотя и моргнула пару раз от неожиданности его слов. — Пожалуйста... — добавила вдруг севшим голосом и сжала его пальцы.

— Ладно... — в его голосе была угроза. Он обернулся кругом и вдруг направился к иве, сильно склонившейся к земле. И вдруг я осознала в полной мере всё то, о чем просила и что он готов был со мной сделать. Он сейчас высечет меня! Дыхание сперло на полуздохе. Он сделает мне больно! Что ж, только бы простили...

Он подошел с пучком длинных ивовых прутьев. На его лице — решительность.

— К дереву лицом. И штаны сними, — и ждет, видимо, что я откажусь, испугавшись, или дрогну. Я лишь сжала зубы и твердо взглянула в его глаза. Затем развернулась, подошла к ближайшему дереву и, стянув вниз штаны, затем белые трусики, обняла ствол.

Прикосновение его ладони к попе были неожиданными. Он чуть коснулся и отстранился. Тяжелый выдох сзади. И свист прута в воздухе, а затем яркая вспышка боли. Я вскрикнула от неожиданности, поджав ягодицы. Боль быстро растеклась и отпустила. И снова свист, боль, свист, боль...

Я обернулась, чтоб увидеть его лицо, лицо того, кто может мне делать и очень хорошо, и очень больно... Он был сосредоточен и сек с такой погруженностью, словно писал диссертацию на моей заднице. Я не кричала, но громко стонала. Я должна была вытерпеть столько, сколько он мне уготовил! Я так хотела.

Он отбросил измочаленный прут и взял другой, встав с другой стороны от меня. И снова боль, режущая, острыя, кусачая. Я теряла контроль и кричала, слезы покатились по щекам. Сначала обида наполняла меня до краев, потом ощущения моей собственной вины накрыли меня с головой.

— Прости-те... — выкрикнула я после особо острой прилетевшей боли. — Не надо больше...

— Что ж ты со мной делаешь, Настяааа?! — его обреченный голос возле самого уха, объятия, крепкие, желанные. Перевернул к себе лицом, впился в рот, высасывая меня, выпивая мое сбитое дыхание. — Что ты со мной рядом забыла? Я испорченный, извращенный дядька! — шепчет прям в губы. — И боль мне твоя приятна, она бередит мои чувства, я чувствую, что живой!

— Ну и что! Ради Вас я готова... Я хочу быть с Вами! Люблю...

— Перестань, — зажал рот губами.

Я всхлипываю, чувствуя в нем жуткую необходимость. Больше, чем воздух! Я — его! Пусть он пользуется мной по своему усмотрению! И сейчас я хочу ему принадлежать...

Вынула ножку из плена штанов и трусиков, обняла ею его ноги. Он шумно втянул воздух, быстро освободил член из джинс и вошел в меня. Мы влились друг в друга, сцепились. Я насаживалась на него, словно рыбка на крючок, чувствуя его немалый орган полностью в себе. Я соскучилась! Я хотела его безумно!

Взяв меня за исполосованные ягодицы, он жестко входил в меня, делая и больно, и сладко одновременно, поедая мои губы, крепко вжимая в свое мощное тело. Шквал эмоций закружиł, забил крупной дрожью в сильных руках мужчины. Сквозь пелену нирваны я чувствовала, как профессор вонзается в меня, удерживая на вису, и рычит, уткнувшись мне в шею. Он на грани, и я не хочу упустить ни капли молочного удовольствия.

— Дайте...

Он выпускает меня из объятий, и, упав перед профессором на колени, я впускаю мужчину сразу полностью в свой рот, позволяя озверело себя так трахать.

Где-то недалеко хрустнула ветка, но осторожность уже отодвинулась для нас на последний план, — профессор, рыча, проникает в моё горло и замирает, изливая в него первую порцию своего семени. Выходит, позволяя мне дышать и высасывать из него всё до последней капли. Для меня это амброзия! Я с огромным удовольствием вылизываю его полностью, чувствуя и свой кисловатый сок на его коже. И я счастлива, безумно счастлива: он больше не злится, он со мной, мой любимый профессор! Он гладит меня по голове, и я не спешу подниматься с колен.

— Я буду тебя наказывать! — вдруг задумчиво говорит он. — И извращенно ебать. Ты всё еще хочешь быть со мной?..

Я поднимаю глаза, и, думаю, всё понятно без слов. Я его преданная раба. Я готова ради него на всё.